

© Г. И. Кустова

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.06](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.06)

УДК 81.37 + 81.367.622.14

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕХОДЫ В АБСТРАКТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Г. И. Кустова (Москва, Россия)

Цель статьи – выявить типы и механизмы семантических переходов в абстрактных (прежде всего – отглагольных) существительных. Предполагается, что тип семантического сдвига существенно зависит от семантического класса исходного значения. В свою очередь, производное значение относится к другому семантическому классу и приобретает другие валентности, что и является показателем семантического сдвига.

В статье описаны два случая:

(1) абстрактное существительное приобретает способность присоединять инфинитив в результате смещения в зону модальных значений: смысл событий → Какой смысл бежать? / Нет смысла бежать;

(2) абстрактное существительное приобретает валентность «по + Дат.» как показатель смещения в зону речи (и шире информации) или в зону параметров.

Абстрактные существительные разных семантических классов (интерпретация: неприятность, промах, разлад; деятельность: меры/работа/усилия [по урегулированию] и др.) рассматриваются по аналогии с речевой и ментальной лексикой, которая имеет валентность содержания, выражаемую обычно придаточным (думал, что Р; рассказал, что Р), и валентность темы, выражаемую предложной группой (думать/мысли о чем; рассказать/рассказ о чем).

Валентность темы может выражаться также предложной группой «по + Дат.», если: (а) происходит семантический сдвиг в зоне «информация»: требование соблюдать договор – требования по технике безопасности; (б) смещение лексемы в зону «информация»: раскол в партии – раскол по проблеме Ирака; (в) смещение лексемы в зону «параметр»: потребность истины – потребности по газу.

Ключевые слова: абстрактная лексика, инфинитив, предложная группа «по + Дат.», валентность содержания, валентность темы, ментальная и речевая семантика.

Некоторые семантические переходы в абстрактных существительных имеют достаточно регулярный характер и описаны в литературе. Прежде всего, это метонимические переносы типа *остановка трамвая* [событие] →

трамвайная остановка [предмет]. Выделен целый ряд таких переносов (действие → субъект: *защита*; действие → объект: *вклейка*; действие → инструмент: *свисток* и т. д.) [1].

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00604а «Типы и механизмы семантических переходов в глаголах и отглагольных именах».

Кустова Галина Ивановна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

E-mail: galinak03@gmail.com

Более сложная ситуация возникает в случаях, когда оба значения – непредметные. Так, существительные типа *осложнение, неудобство, свобода, странность, несправедливость, помеха, результат, завоевание* и подобные имеют регулярную многозначность «предикатное значение» (т. е. характеристика, квалификация какого-либо явления) – «референтное значение» (конкретные события, ситуации, имеющие соответствующую характеристику): *Это неприятность, но не трагедия – Он не обращал внимания на мелкие неприятности; Эта авария – результат нарушения техники безопасности – Разрешите представить некоторые результаты, полученные в этом году.* У предикатного значения есть валентность (*свобода выбора, завоевание нового рубежа*) или оно употребляется предикативно (*Делать Р – вот истинная свобода*), референтное значение часто (хотя и не обязательно) реализуется формой множественного числа (*права и свободы, наши завоевания*) (Ср.: [1, с. 194–195]).

Другой тип семантических сдвигов рассмотрен Е. В. Падучевой. Выявлены принципиально возможные типы сдвигов в значениях предикатной лексики [2; 3], и описаны изменения онтологической категории, характерные для существительных со значением речи и эмоций [4–5].

В нашей работе будут рассмотрены некоторые типы семантических переходов в сфере абстрактных существительных, которые связаны с изменением семантического класса.

Значение абстрактных слов неопределенно и в силу этого подвижно. В результате изменения значения абстрактные слова могут мигрировать из одной группы в другую, подстраиваясь под семантику принимающей

группы и приобретая ее формальные характеристики. Для абстрактных слов довольно типична такая ситуация, когда в словаре некоторое значение отсутствует, но в текстах оно встречается. Поэтому особенно важно опираться на формальные критерии изменения значения. Наиболее явный и надежный формальный показатель семантического сдвига – изменение управления (которое в некоторых группах абстрактных существительных сопровождается изменениями в числовой парадигме).

Мы рассмотрим два случая изменения в сфере управления. В первом случае существительное приобретает способность присоединять инфинитив (*смысл слова – Какой смысл ехать?*); во втором случае изменяется падежное управление: *требование освобождения – требования по технике безопасности* (как правило, это новое управление «по + Дат.» реализуется формой множественного числа).

Смещение в зону модальности – управление инфинитивом

Многие существительные с модальной семантикой (*возможность [измениться], готовность, жажда, желание, намерение, необходимость, обязанность, попытка, потребность, право, решение, риск, способность, стремление, шанс* и др.), с узуальной семантикой (*навык [управлять], обыкновение, обычай, правило, практика, привычка, страсть, традиции*), с эмоциональной семантикой (*боязнь, опасение, страх [потерять работу]*); с речевой семантикой (*приказ, предложение, приглашение, просьба [вернуться]* и др.) управляют инфинитивом (выражающим валентность на ситуацию). Ср.: *От учебы в вузе он должен сохранить не содержательные результаты, а сам **навык учиться***¹. Хотя

¹ Здесь и далее примеры извлечены из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpota.ru), далее –

НКРЯ. В примечаниях приводится указание источника как в НКРЯ: «Знание-сила», 2005.

такие существительные не всегда образованы от глагола (ср.: *шанс*), но в конечном счете имеют глагольную семантику, и условно можно считать их пропозициональную валентность глагольной.

Однако в русском языке есть существительные, которые не связаны с глаголом или утратили эту связь (ср.: *выгода, польза, смысл*) и которые в исходном значении не обладают способностью присоединять инфинитив. В определенных синтаксических позициях и конструкциях (см. ниже) у них появляется особое значение, с которым связана способность присоединять инфинитив. Например, слово *смысл* в исходном значении управляет родительным падежом (о доминировании генитива в сфере именного управления см., например, [6]): *смысл сообщения, смысл событий* ('внутреннее логическое содержание, значение чего-л., постигаемое разумом'²), но в значении 'целесообразность, основание, разумная причина, резон', которое можно считать близким к модальному, *смысл* приобретает валентность на инфинитив; при этом данное значение реализуется в совершенно определенных конструкциях: *Какой смысл бежать?*; *Нет смысла бежать*³; *Не вижу смысла бежать* и под. Ср.: *Он поинтересовался смыслом бежать* (при правильном: *Я не понимаю, какой смысл бежать*).

Есть несколько семантических классов слов, у которых обнаруживается такой семантический сдвиг, сопровождаемый изменением синтаксических свойств.

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ и ВЫГОДА: *выгода, интерес, корысть, польза, прок, расчет, резон, смысл, толк: Какой им интерес*

состоять в организации, о которой они ничего не знают? («Пермский строитель», 2004.04.27)

ВНУТРЕННИЕ РЕСУРСЫ (т. е. внутренние возможности, качества и состояния человека, которые он может использовать для реализации какой-либо ситуации): *бодрость, воля, дар, дух, мудрость, мужество, настроение, нервы, подъем, решимость, сила, силы, смелость, талант, темперамент, терпение, храбрость, энтузиазм* (эта группа близка к модальной группе – к способности или желанию что-то сделать): *Нет сил бороться; Нервов нету визги слушать!* (М. Гиголашвили «Чертово колесо», 2007); *Никакого энтузиазма помогают борьбе за свободу в среде земляков мы не встретили* («Знамя», 2010); *Просыпаешься среди ночи, и нет бодрости встать, чем-то занять себя.* (Г. Н. Владимов «Генерал и его армия», 1994)

УСТАНОВКИ: *замысел, идея, перспектива, план, установка, цель* – также близки по семантике к модальности – желанию и намерению (в то же время у них есть валентность содержания, которая обычно реализуется через вспомогательный глагол; ср.: *план состоит в том, чтобы Р*): *В 2009 году у нас нет планов выводить такие продукты на рынок* («РБК», 2009.03.17. www.rbcdaily.ru); *У нас нет установки – работать ради того, чтобы что-то иметь.* («Бизнес-журнал», 2004.03.03)

ВНЕШНИЕ РЕСУРСЫ: *время, деньги, место, слова, средства, власть, полномочия и т. п.:* *Нет времени объяснять; Нет слов описать ее красоту; Нет средств оборудовать*

² Формулировка значения дается по: Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР. Институт русского языка // под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1981–1984 (МАС).

³ Аналогичный набор конструкций (*Нечего читать; Что нам было читать?*), также содержащих инфинитив, описан в работе [7].

автостоянку; **Нет** у начкара власти знать ээков быстрой (А. Солженицын «Один день Ивана Денисовича», 1961) (*нет* посессивное – ‘не хватает’, ‘не имеется’).

ОСНОВАНИЯ, ВОЗМОЖНОСТИ, УСЛОВИЯ: *гарантии, данные, закон, запрет, мотив, основание, повод, предлог, причина, перспективы* (= ‘шансы’), *препятствия, свобода, случай, условия*: **Нет причин ему не верить**; *Ни у кого нет данных подозревать меня в том, что я имею какое-то отношение к диверсиям и прочим вещам* (Г. Горелик «Андрей Сахаров», 2004); *Не решится она, да и нет предлога уйти из дома* (И. А. Гончаров «Обломов», 1859); *Васильев вступился за парашечника, говоря, что нет закона бить арестантов* (Л. Н. Толстой «Воскресение», 1899).

Валентность абстрактных существительных на инфинитив конструктивно обусловлена, т. е. условия для присоединения инфинитива возникают в определенных конструкциях (о семантических и грамматических свойствах конструкций см., например, [8–10]). В первую очередь, это бытийная конструкция (*Есть причины бояться*) и отрицательно-бытийная (*Нет причин бояться*), в том числе ее разновидность – риторический вопрос (экспрессивное отрицание: *Какая мне выгода туда ехать?*). К ним примыкают количественные конструкции, которые могут соотноситься как с бытийными, так и с посессивными (‘иметь’): *У нас много/ достаточно/хватает причин молчать*. В других синтаксических конструкциях эта валентность не реализуется. Ср.: *Значит, есть прямая выгода использовать нефть как сырье для химии* («Химия и жизнь», 1967) – *выгода* в составе бытийной конструкции; но та же лексема *выгода* в составе адвербиального оборота: *Эту технологию с выгодой используют в сельском хозяйстве* – теряет свойство присоединять инфинитив. Ср.:

*С выгодой получить большую прибыль эту технологию используют в сельском хозяйстве. Ср.: также пары: *Откуда у него столько сил сопротивляться vs. ? Его силы сопротивляться невелики*; *Грус какой-то схулиганил. Нету мужества сознаться* (В. Кондратьев «Сашка», 1979) vs. ? *Его мужество сознаться вызывает уважение*.

Интересующее нас значение является результатом смещения слова в группу полуслужебной лексики: соответствующие конструкции приобретают модальное значение, становятся синонимами модальных глаголов, существительных или предикативов, которые управляют инфинитивом: **Нет времени объяснять** – *Некогда объяснять*; **Нет терпения сидеть на одном месте** – *Не могу/невозможно сидеть*; **Какая им выгода держать корову?** – *Им невыгодно держать корову*.

Если существительное обозначает ресурс (*время, деньги, силы, средства* и т. п.), оно может участвовать также в ресурсной конструкции (см. [11]), которая включает компоненты ‘ресурс’ и ‘его предназначение’: *Нет времени, чтобы этим заниматься*.

Нельзя сказать, что во всех случаях происходит «окончательный» сдвиг в значении, который может быть зафиксирован в словаре, как у слова *смысл*), – например, у слов *бодрость* или *закон* отдельные значения с валентностью на инфинитив в словарях, конечно, не фиксируются. Тем не менее в рамках конструкции сдвиг значения – а именно, приращение модального или оценочно-модального компонента – несомненно, происходит: **нет бодрости встать**, *чем-то занять себя* = ‘не могу встать’; **нет закона бить арестантов** = ‘нельзя бить’.

Таким образом, рассмотренные существительные, первоначально не связанные с глаголом, смещаясь в зону модальности, как бы становятся глагольными, предикатными, а

соответствующие конструкции становятся эквивалентом модального предиката: они приобретают валентность на ситуацию и выражают эту валентность тем способом, который характерен для данной группы.

Изменение падежного управления – валентность «по + Дат.»

Семантический сдвиг может также сопровождаться изменением падежного управления. В принципе, изменение управления всегда есть сигнал изменения значения, ср.: [1]. Здесь есть разные случаи с точки зрения широты охвата материала. Некоторые изменения индивидуальны и касаются одного или нескольких слов. Однако есть случаи, когда целые группы слов претерпевают типовой сдвиг значения, и этот сдвиг сопровождается изменением управления.

Мы рассмотрим это явление на материале тех абстрактных существительных, которые в современном языке приобретают валентность «по + Дат.».

Валентность «по + Дат.» имеет книжный (и даже канцелярский) характер, тем не менее в современном языке наблюдается экспансия такого предложного управления [12–14].

Появление у существительного валентности «по + Дат.» может быть по причине разных типов семантических сдвигов. Мы рассмотрим два из них: сдвиг, связанный со значением «информация», и сдвиг, связанный со значением «параметр».

Группа ИНФОРМАЦИЯ – валентность темы

Информационной мы будем называть лексику, которая имеет валентность содержания (пропозициональный объект); наряду с ней эти слова обычно имеют и валентность темы (о номенклатуре ролей см., например,

[15]). Прежде всего, это слова с речевой и ментальной семантикой – глаголы, существительные, предикативы.

Валентность содержания может выражаться придаточным, инфинитивом, винительным или родительным падежом: *Сообщили, что рейс задерживается* – *сообщили о задержке*; *Приказал, чтобы солдаты отступали* – *Приказал отступить* – *приказ отступить*; *Требуют, чтобы соблюдали договор* – *требуют соблюдать договор* – *требование соблюдения договора*; *Доказал, что X пригоден для P* – *доказал пригодность X-а для P* – *доказательство пригодности X-а для P*; *Решил, что поедет* – *решил поехать*; *Пожелал здоровья* – *пожелание здоровья*.

Валентность темы можно считать редуцированным выражением валентности содержания. Если содержание исчерпывается одной пропозицией, тема может быть информационно эквивалентной содержанию: *договорились встретиться* – *договорились о встрече*; *приказ отступить* – *приказ об отступлении*; *решил/решение уволиться* – *решение об увольнении*. Если содержание значительно по объему, то практически может быть выражена только тема: *лекция о международном положении*, *рассказ о поездке*.

У существительных со значением речи прототипическим способом выражения валентности темы является предложная группа «о + Предл.». Однако у многих существительных появляется также другое управление – «по + Дат.» (о семантике предлога *по* см. [16]). Это управление сравнительно новое. В текстах XIX в., размещенных в НКРЯ (ср.: *Главное правление даст немедленное приказание Кашеварову в точности исполнять мои требования по снабжению экспедиции товарами и запасами* (Г. И. Невельской «Подвиги

русских морских офицеров на крайнем Востоке России», 1878)), таких примеров меньше десятка. В первой половине XX в. такие примеры также немногочисленны. Только с середины XX в. количество контекстов с управлением «*по + Дат.*» существенно возрастает. И это именно валентность темы: **Требования по плаванию** были суровые, и отстающие кадеты обязаны были в зимнее время практиковаться (А. А. Игнатъев «Пятьдесят лет в строю», кн. 1–2, 1947–1953) – требования, касающиеся плавания, связанные с плаванием. Нередко группа «*по + Дат.*» обозначает не столько узкую тему, сколько более широкую сферу, к которой относится сообщение или целое мероприятие (включающее речевую составляющую): *пожелания по усилению охраны; просьбы по организации лагеря; переговоры по Ираку; лекция по химии* (контексты извлечены из НКРЯ). Несколько упрощая и обобщая, будем называть группу «*по + Дат.*» во всех таких случаях валентностью темы.

В сфере информационных существительных наблюдается несколько разных случаев.

Некоторые существительные имеют оба способа выражения темы («*о + Предл.*» и «*по + Дат.*»), и способ «*по + Дат.*» не связан с изменением значения: *просьбы о снижении налогов – просьбы по снижению налогов*. Этот случай мы не рассматриваем.

У некоторых существительных, которые исходно выражали валентность темы группой «*о + Предл.*», переход к управлению «*по + Дат.*» сопровождается сдвигом значения.

Есть также целые группы существительных, у которых в исходном значении вообще не было валентности темы, но в результате семантического сдвига она появляется и выражается группой «*по + Дат.*». Сразу оговоримся, что изменение управления часто связано и с изменением числового поведения, а

именно: в большинстве случаев управление «*по + Дат.*» реализуется формой множественного числа.

Примечание. В последние десятилетия стало достаточно массовым употребление абстрактных существительных, которые раньше квалифицировались грамматиками как *singularia tantum*, во множественном числе, ср. *возросли продажи, риски, угрозы*. В результате, как отмечается в [17], произошло изменение числовой парадигмы многих абстрактных существительных (А. А. Горбов объясняет это влиянием английского языка). Но как показывает наш материал, употребление во множественном числе часто сопровождается семантическим сдвигом, так что формы ед. и мн. числа не всегда можно считать членами одной парадигмы.

Речевые и ментальные существительные: «расширение темы»

Указание о сборе материала – это указание собирать материал; *указания по сбору материала* – это указания о том, что надо делать, какие конкретные шаги предпринимать в рамках, в процессе сбора материала. *Решение об изменении законодательства* – это решение изменить законодательство, *решения по изменению законодательства* касаются конкретных действий в рамках изменения законодательства (само изменение является пресуппозицией).

Таким образом, в сфере речевых и ментальных существительных валентность «*по + Дат.*» часто не тождественна валентности «*о + Предл.*». «*По + Дат.*» – это более широкая тема, это скорее область, поле деятельности, сфера приложения усилий. Поскольку содержание валентности – часть семантики лексем, сдвиги на уровне содержания валентности тоже должны учитываться.

В других случаях происходит еще более серьезный семантический сдвиг на уровне самого значения.

Сдвиги в группе «речь»: «речевой акт → текст»

Наш материал показывает, что исходно «информационные» слова могут развивать особое значение в форме мн. ч. (с соответствующей валентностью «по + Дат.»). Ср.: *требование* (*требование прекратить огонь*) – это речевой акт, обращенный к конкретному лицу (лицам) и предполагающий конкретное действие, *требования* (*требования по технике безопасности*) – это какие-то правила и инструкции (нередко – письменные), обращенные к гипотетическим исполнителям в гипотетических ситуациях. Если в исходном значении речевого акта пропозициональная валентность Р соответствовала ситуации, то в конструкции *по Р*. Р – это, как и в предыдущем случае, некоторая область, сфера деятельности, в рамках которой будут реализовываться конкретные действия (и множественное число существительного здесь семантически мотивировано). Аналогичный сдвиг происходит в случаях *пожелания по*, *просьбы по*, *предложения по*, *рецепты по*.

Общим семантическим условием данного перехода является замена индивидуального субъекта-автора на обезличенного коллективного субъекта – инстанцию, замена конкретного адресата на потенциального исполнителя в гипотетической ситуации.

Сдвиг «ментальное значение → речь/текст»

Исходно ментальное значение может претерпевать семантический сдвиг, связанный с развитием или усилением компонента «речь/текст».

Исходное значение слова *принцип* ('убеждение', 'воззрение', 'теоретическое положение', 'закон', 'правило') выражает валентность содержания генитивом или адъективом (*принцип равенства*; *принципы международного права*; *принципы реалистической эстетики*, *демократические принципы*). В примерах типа *В ходе работы конференции была принята декларация ООН по проблемам окружающей среды, включающая 27 принципов по достижению устойчивого развития странами и государствами* («Зеркало мира», 2012) существительное *принципы* употребляются в значении 'соглашение', 'договоренность', 'решение, оформленное в виде текста', т. е. смешается в группу речи – и выражает валентность темы-содержания формой «по + Дат.»). Ср.: Конференция *приняла Руководящие принципы по статистическому определению занятости в неформальной экономике* («Вопросы статистики», 2004.07.29) – конференция *приняла принципы* означает 'приняла документ, текст, которым человек будет руководствоваться в своей деятельности', и для такого употребления «по + Дат.» – естественная форма выражения валентности темы-содержания.

Ср.: *Есть ли у вас какие-то секреты по уходу за собой?* («100 % здоровья», 2003.01.15) ≈ 'приемы, методы, рецепты, рекомендации'. Исходно *секрет* – это утаиваемая информация (обычно – о событии), которая не известна другим лицам (*Это наш секрет*). *Секрет по* – это информация, неизвестная другим лицам (общий компонент с исходным значением), но полезная для них, которую субъект может сообщить (устно или в форме текста) в качестве совета, рекомендации.

Смещение в группу ИНФОРМАЦИЯ – валентность темы

Исходно не информационное значение может претерпевать семантический сдвиг, связанный с развитием или усилением «информационного компонента».

Поскольку валентность содержания и темы является прототипической прежде всего для речевой и ментальной, т. е. информационной, лексики, многие абстрактные лексемы, сдвигаясь в сторону речи, мысли и – шире – информации, актуализируют информационный аспект некоторой ситуации. Например, *конференция, переговоры, семинар* и т. п. – это мероприятия. Но они имеют существенную речевую и информационную составляющую. Поэтому для них естественна валентность темы «*по + Дат.*». Тот же информационный аспект выходит на первый план у таких слов, как *раскол, разлад*, которые исходно обозначают интерпретацию события (*раскол в партии; разлад в семье*), – конструкции с *по* выражают расхождение во взглядах (ср.: *противоречия*), т. е. относятся к информационной сфере: *Какого-то особого разлада по этому вопросу не было* («Известия», 2002.07.08); *Тем самым при внешнем согласии, в сущности, раскол по проблеме Ирака сохраняется* («Военная мысль», 2004.11.15) (ср.: *Никаких противоречий по разделению функций Генсовета и исполкома партии при обсуждении не возникало* («Известия», 2003.01.14)).

Смещение в группу ПАРАМЕТР – валентность «измеряемого»

Параметр имеет минимум две валентности – измеряемый предмет или ситуация (*высота дома; скорость движения*) и значение параметра (*высота – 20 метров; скорость – 80 км/ч*). Для параметров физических предметов и физических ситуаций управление «*по + Дат.*» не характерно: **скорость по движению,*

*высота по дому. Ср.: *доходность по облигациям – 10 %* – хотя облигация – предметное существительное, за ней стоит абстрактная ситуация финансовых вложений.

Если же речь идет о существительных, которые исходно не являлись обозначениями параметров, то у них управление «*по + Дат.*» является показателем смещения в группу параметров.

Рассмотрим существительные с пропозициональной валентностью на ситуацию, относящуюся к будущему: *ожидание, потребность, риск, угроза*. Валентность этих существительных заполняется абстрактным существительным (*угроза insulta, риск обрушения, потребность тепла*), инфинитивом (*риск заболеть*), придаточным (*потребность в том, чтобы P*), предложной группой (*потребность в общении*).

В исходной семантике этих существительных присутствует модальный компонент: *ожидание* – ‘возможно P’, *риск, угроза* – ‘возможно плохое P’; *потребность* – ‘необходимо, нужно P’. При семантическом сдвиге – перемещении этих существительных в класс параметров – происходят также формальные изменения:

– значение параметра реализуется преимущественно в форме множественного числа;

– изменяется управление: исходное управление родительным, инфинитивом или придаточным меняется на характерное для параметров управление «*по + Дат.*».

Рассмотрим контексты из НКРЯ.

Ожидание-ожидания.

Ожидание чего (состояние субъекта):

В ожидании расстрела занимался самонаблюдением (Д. Гранин); *Ожидание встречи с больным простыло в душе* (О. Павлов).

Ожидания по чему (параметр): *оправдались ожидания по доходности* доллара; *ожидания по явке избирателей* полностью оправдались; *ожидания по промышленному производству*, видимо, будут скорректированы. Если *ожидание 1* (по МАС) – это состояние по глаголу *ожидать*, то *ожидание 2* [обычно мн. ч. (ожидания, -ий)] – это ‘предположение, надежда’. Но в нашем случае, в контексте канцелярского оборота «*по + Дат.*», это скорее не предположение-надежда, а предположение-прогноз. В параметрическом значении управление меняется на «*по + Дат.*», а управление родительным (нормальное для исходного значения, ср.: *ожидание встречи*) либо приводит к семантическому искажению, ср.: *ожидания доходности/явки* – бытийное значение (‘ожидается, что доходность/явка будет’), тогда как смысл выражений типа *ожидания по доходности/явке* сводится к косвенному вопросу (‘предположения о том, какая [в количественном выражении] будет доходность/явка’ – своего рода стяжение, ср.: [18]), либо вообще невозможно, ср. [?]*ожидание промышленного производства*. Это не просто прогноз, но количественный прогноз (ср.: *Наши ожидания по явке на выборах – 45 %*).

Обозначая количественный показатель, слово *ожидания* попадает в класс параметров, и соответствующий параметр в каждом конкретном случае принимает то или иное значение. Надо заметить, что и управляемое существительное нередко тоже относится к параметрам (*явка, доходность*; причем ожидания по явке и реальная явка – это два разных параметра выборов), но оно может метонимически замещаться непараметрическими именами (ср.: – *Какие у вас ожидания по нефти?* [= по цене на нефть] – *60 долларов за баррель*). Значение параметра не обязательно количественное (ср.: – *Какие у вас ожидания по составу партий в парламенте?*).

Другие примеры аналогичного перехода в класс параметров.

Потребность – потребности.

Потребность – «модальное состояние» человека. У этого значения в модель управления входит родительный, инфинитив или группа «*в + Предл.*» (выражающие валентность объекта): *потребность общения, потребность любить, потребность в общении; Поэтому в вопросах, когда потребность истинны* делается жизненно необходимой, Толстой предпочёл бы вообще обходиться без слов (Ю. М. Лотман «Символ в системе культуры», 1982–1992).

Потребности по X-у – потребности по газу, по производству мяса, по закупкам лекарств – это ‘требуемое количество X-а’, т. е. параметр с количественным значением (такое же параметрическое значение есть, впрочем, и при валентности «*в + Предл.*»): *При физических нагрузках твоя суточная потребность в витамине С возрастает в два раза* («Даша», 2004).

Абстрактная лексика может также смешаться в группу параметров с качественным значением.

Риск – риски.

Риск чего (*риск инсульта, дефолта, ошибки*) – это вероятность плохого события. *Риски по* (*риски по спекулятивным сделкам – по транзиту газа по суше – по операциям с ценными бумагами*) – это юридический и финансовый термин, который предполагает, что у различных ситуаций и операций есть такой параметр, как риски (наряду с такими параметрами, как доходность (или затраты), сроки, количество участников и т. д.).

Угроза – угрозы.

Угроза, как и *риск*, исходно означает ‘вероятность плохого события’: *угроза обрушения*, в контексте «*по + Дат.*» – просчитываемый (хотя и не количественный) параметр:

Оценки соотношения между степенью имеющихся угроз по утечке информации и требуемым уровнем ее защиты («Финансы и кредит», 2004.11.22).

Таким образом, в типах семантических сдвигов у абстрактных существительных можно проследить определенные закономерности, которые отражают потребности говорящих и особенности общественных (экономических, социальных, юридических) отношений. Во-первых, происходит усложнение «до-

кументооборота», появляется все больше жанров официальной (особенно письменной) речи – отсюда потребность в названиях текстов, документов, обслуживающих ту или иную сферу деятельности (*требования/принципы/решения/предложения по...*). Во-вторых, происходит «параметризация» экономического, социального, культурного пространства, различные ситуации и сферы деятельности структурируются, и их аспекты осмысляются как параметры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 367 с.
2. Падучева Е. В. О семантической деривации: слово как парадигма лексем // Русский язык сегодня: сб. ст. – Вып. 1 / отв. ред. Л. П. Крысин. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 395–417.
3. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. – М.: ЯСК, 2004. – 608 с.
4. Падучева Е. В. Онтологические категории имен речи: проблема категориальной неоднозначности // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. – 2013. – № 4. – С. 18–29.
5. Ляшевская О. Н., Падучева Е. В. Онтологические категории имен эмоций // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. – 2011. – № 5. – С. 23–31.
6. Курилович Е. Проблема классификации падежей // Курилович Е. Очерки по лингвистике. – М., 1962. – С. 175–203.
7. Апресян Ю. Д., Иомдин Л. Л. Конструкция типа *негде спать*: синтаксис, семантика, лексикография // Ю. Д. Апресян, И. М. Болгуславский, Л. Л. Иомдин, В. З. Санников. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря. – М.: ЯСК, 2010. – С. 59–113.
8. Croft W., Cruse D. A. Cognitive linguistics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 356 p.
9. Goldberg A. E. Constructions at work: The nature of generalization in language. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 516 p.
10. Лингвистика конструкций / под ред. Е. В. Рахилиной. – М.: Азбуковник, 2010. – 584 с.
11. Кустова Г. И. Конструкции с союзом *чтобы*: ресурсы и соответствия // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог–2014». – Вып. 13 (20). – М., 2014. – С. 298–307.
12. Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / под ред. Е. А. Земской. – М.: ЯРК, 1996. – С. 237–304.
13. Кустова Г. И. Валентности абстрактных существительных: редукция vs. конкретизация // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – Вып. 14 (21). По материалам международной конференции «Диалог–2015». – М., 2015. – С. 363–373.
14. Кустова Г. И. Падежные рамки интерпретационных предикатов и механизмы компрессии // Верхневолжский филологический вестник. – 2015. – № 1. – С. 41–47.

15. **Апресян Ю. Д.** Трехуровневая теория управления: лексикографический аспект // Апресян Ю.Д. и др. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря. – М.: ЯСК, 2010. – С. 281–377.
16. **Иомдин Л. Л.** Словарная статья предлога ПО // Семиотика и информатика. Вып. 32. – М.: ВИНТИ, 1991. – С. 94–120.
17. **Горбов А. А.** Числовые парадигмы абстрактных существительных в русском языке XX века: тенденции развития и влияние английского языка // Russian linguistics. – 2014. – Т. 38, № 3. – С. 23–46.
18. **Падучева Е. В.** Об атрибутивном стяжении подчиненной предикации в русском языке (1980) // Падучева Е. В. Статьи разных лет. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 145–172.

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.06](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.06)

Kustova Galina Ivanovna, Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.
ORCID iD [0000-0001-9404-081X](https://orcid.org/0000-0001-9404-081X)
E-mail: galinak03@gmail.com

SEMANTIC SHIFTS IN ABSTRACT NOUNS

Abstract

The article's objective is to identify the types and mechanisms of semantic shifts in verbal names, show the factors influencing the change of lexical meanings. It is hypothesized that the types of semantic shifts are substantially related to the thematic class of the initial meaning. In turn the derived meaning of an abstract lexeme belongs to a different semantic class and has a new valency.

The paper deals with two types of semantic shifts:

(1) as a result of a shift to the area of modality the abstract noun acquires the ability to be followed by the infinitive ('sense of events' case) – net smysla bezhat' ('it makes no sense to run');

(2) abstract noun acquires a valency "po + Dat." as a result of shift to the area of "information" or "parameters".

Abstract vocabulary may belong to various semantic classes: nepriyatnost' ('nuisance', 'trouble', 'annoyance'), promakh ('mistake'), razlad ('discord'); referendum, soveshchanie ('meeting'), turnir ('tournament'); mery ('measures') / rabota ('work') / usiliya ('efforts') [po uregulirovaniyu ('on settlement of')] et al. These lexemes have much in common with words denoting mental states or propositional attitudes e. g. X thinks that Y, where Y is the content (theme) of the proposition expressed by a subordinate clause or by a prepositional group (X thinks about Y).

Abstract lexemes can have similar valency in prepositional phrases of po X [Dat.] type (po here means about, on, of), if: (a) there is a semantic shift to the "Information" area: trebovaniye soblyudat' dogovor ('the requirement to comply with the contract') shifts to trebovaniya po soblyudeniyu dogovora ('requirements on/of compliance with the contract'); (b) there is a shift of the lexeme into the "Information" area: raskol po probleme Iraka ('split on Iraq issue'); (c) there is a shift of the lexeme into "Parameters" area: potrebnosti po gazu ('gas demand').

Keywords

Abstract vocabulary, infinitive, prepositional phrase «po + Dat.», valency of content, valency of theme, speech and mental semantics.

REFERENCES

1. Apresjan Yu. D. *Lexical semantics*. Moscow, 1974, 367 p. (In Russian)
2. Paducheva E. V. On the semantic derivation: word as a paradigm of lexemes. *Russian language today*. Moscow, 2000, pp. 395–417. (In Russian)
3. Paducheva E. V. *Dynamic models in the semantics of vocabulary*. Moscow, 2004, 608 p. (In Russian)
4. Paducheva E. V. Ontological categories of speech noun: the problem of categorical ambiguity. *Scientific and Technical Information*. Series 2. Information processes and systems, 2013, no. 4, pp. 18–29. (In Russian)

5. Lyashevskaya O. N., Paducheva E. V. Ontological categories of emotion noun. *Scientific and Technical Information*. Series 2. Information processes and systems, 2011, no. 5, pp. 23–31. (In Russian)
6. Kurilovich E. The problem of case classification. Kurilovich E. *Essays on Linguistics*, Moscow, 1962, pp. 175–203. (In Russian)
7. Apresjan Yu. D., Iomdin L. L. Construction *negde spat'*: syntax, semantics, lexicography. Apresjan Yu. D. et al. *Theoretical problems of Russian syntax: The interaction of grammar and vocabulary*, Moscow, LSC Publ., 2010. (In Russian)
8. Croft W., Cruse D. A. *Cognitive linguistics*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2004, 356 p.
9. Goldberg A. E. *Constructions at work: The nature of generalization in language*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2006, 516 p.
10. *Linguistics of constructions*. (ed.) Rakhilina E. V. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010, 584 p. (In Russian)
11. Kustova G. I. Constructions whis the conjunction *chtoby*: resources and correlations. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. Issue 13 (20). Moscow, RGGU Publ., 2014, pp. 307–317. (In Russian)
12. Glovinskaya M. Ya. (1996) Active processes in the grammar. *Russian of twentieth-century end (1985–1995)*. (ed.) Zemskaya E. A. Moscow, 1996, pp. 237–304. (In Russian)
13. Kustova G. I. Abstract lexemes' valencies: reduction vs. specification. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. Issue 14 (21). Moscow, RGGU Publ., 2015, pp. 307–317. (In Russian)
14. Kustova G. I. The case frames of the predicates of interpretation and mechanism of compression. *Verhnevolzhski Philological Bulletin*. Yaroslavl', 2015, no. 1, pp. 41–47. (In Russian)
15. Apresjan Yu. D. Three-level government theory: lexicographical aspect. Apresjan Yu. D. et al. *Theoretical problems of Russian syntax: The interaction of grammar and vocabulary*, Moscow, LSC Publ., 2010, pp. 281–377. (In Russian)
16. Iomdin L. L. Lexical entry of the word ON. *Semiotics and Informatics*, vol. 32, 1991, pp. 94–120. (In Russian)
17. Gorbov A. Number paradigms of abstract nouns in twentieth-century Russian: development trends and the influence of English. *Russian linguistics*. vol. 38, no. 3, 2014, pp. 23–46. (In Russian)
18. Paducheva E. V. On attributive contraction of subordinate predication in Russian (1980). Paducheva E. V. *Selected works*. Moscow, 2009, pp. 145–172. (In Russian)